

Страшимир Н. Лишев.
БЪЛГАРСКИЯТ СРЕДНЕВЕКОВЕН ГРАД.
БЪЛГАРСКАТА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ.
София, 1970, 224 стр.

Среди богатой литературы о балканском городе периода генезиса и расцвета феодализма монография С. Лишева занимает особое место. Это — всестороннее исследование становления и развития болгарского города. Оно основано на материалах нарративно-исторических, агнографических, юридических и в особенности археологических (приложен богатый альбом фотоснимков орудий производства), кроме того, учтена вся болгарская и советская литература.

Автор начинает с проблемы континуитета. Он отмечает глубокий упадок, подчас даже полное исчезновение древних городов. Болгарские же города, считает он, возникли самостоятельно. Континуитет античности в дальнейшем ощущается только через влияние византийского города. Город в Болгарии, по мнению автора, представлял собой хозяйственное и политическое единство крепости (кастрон) и предградья; крепость — гарантия прочности собственности населения предградья — выполняла роль убежища. Город изображается автором как центр производственный, политический и идеологически-культурный. Лишев выступает против точки зрения Н. В. Пигулевской, разделявшей хозяйство на товарное городское и на натуральное деревенское. По его мнению натуральное хозяйство являлось основным как для деревни, так и для города (стр. 45). Преобладала натуральная оплата чиновникам, натуральные налоги. Наличие крупных кладов свидетельствовало о превращении дохода в сокровище. Автор затрудняется говорить о торговцах как специальной группе населения города — торговали все прослойки. Это приводит нас к выводу, что если товарное производство и было мало развито, то товарное обращение (которое предшествует и составляет одно из условий товарного производства) в Болгарии было уже распространено широко. Однако посредническое купечество было представлено относительно слабо, особенно во внешней торговле, где торговыми посредниками между Болгарией и зарубежными странами выступали в основном (в XIII—XIV вв.) итальянцы. Это имело особое значение для Болгарии, так как при иностранных посредниках не могло развиваться в городах местное купечество, что ослабило роль бюргерского элемента в стране.

Города в Первом Болгарском царстве находились в руках царских агентов — чиновников, бояр как должностных лиц. Во Втором Болгарском царстве города оказались в полном политическом и хозяйственном подчинении у боярства — феодальных крупных землевладельцев. Никакого самоуправления, по мнению автора, в болгарских городах никогда не было. Лишев категорически опровергает возможность капиталистических элементов в поздней Болгарии — феодальный строй периода раздробленности господствовал всюду. Опираясь на археологические данные, автор рисует картину развитого ремесленного производства в городе. Особенно подробно останавливается он на горном деле и металлообработке, указывая, в частности, что название рудокопов «саси», т. е. саксы, стало названием не народности, а профессии: «сасями» могли называться не только переселенцы из Саксонии, но и местные рудокопы-болгары.

Все городское население автор делит на 4 класса: 1) крупные землевладельцы — феодалы светские и духовные; 2) зависимые от них лица разных профессий, ремесленники, арендаторы, торговые агенты; 3) независимые мелкие собственники, ремесленники; 4) неимущая беднота. Наемный труд признается автором только в том случае, если налицо 1) свободное юридическое состояние, 2) свобода от собственности. Наемный труд и расценивался низко — более ответственным считался зависимый работник. Согласно положению автора, наемный труд в то время являлся первоначальной стадией для дальнейшего перехода в зависимое состояние. Мне кажется такое утверждение слишком прямолинейным. В отдельных профессиях наемный труд всегда преобладал, например в квалифицированном строительстве.

Очень обстоятельно обрисован болгарский город как центр развития болгарской культуры, особенно в X и в XIV вв. (так называемое «Болгарское Возрождение»). Автор возражает против такого термина, хотя и признает существенный сдвиг в развитии болгарской культуры. Однако он отмечает, что прогрессивные деятели Варлаам и особенно Акиндин — не могли добиться успеха среди болгарского населения.

Говоря о народных движениях, Лишев выделяет антифеодальные элементы, особенно в деятельности богомилов, которые, однако, со временем превратились в секту мистического типа и начали сближаться с монархией.

Книга написана ярко и аргументированно. Следует, правда, указать и на некоторые недостатки. Не везде выделено то, что связано с самобытным развитием и внешним воздействием. Вряд ли правильно стремление автора ограничить понятие «наемный работник» только теми, кто полностью лишен собственности. В то время при примитивности орудий производства всякий бедняк мог обладать ими и решающим обстоятельством являлось наличие собственности на материалы для приложения труда, а не на орудия производства. Свобода от собственности является скорее причиной, по которой человек отдает себя в наем, чем постоянно присущий наемному труду признак. Если полностью связывать понятие «пролетарий» со свободой от собственности, то

как же тогда применить его, например, к уральским рабочим, которые в дооктябрьское время являлись в массе своей собственниками домика, огорода и т. д.?! Главный же недостаток работы Лишева — в том, что господствующий класс феодалов представлен слишком монолитным. Что же касается византийского влияния, то автор, хотя и признает его, все же в том, что касается городского быта и идеологии, показывает его недостаточно. При всем том исследование Лишева следует признать крупным достижением в новейшей литературе по истории средневекового болгарского города.

Н. Г. Бек. GESCHICHTE DER BYZANTINISCHEN VOLKSLITERATUR.
München, 1971, S. XXII + 233

Книга Ханса Георга Бека, руководителя Мюнхенского византиноведческого семинара и редактора журнала «Бюантиниче Цайтшифт», — по сути дела, первый общий очерк истории византийской народной литературы. Еще в конце прошлого столетия К. Крумбахер в сотрудничестве с А. Эрхардом и Х. Гельцером выпустил «Историю византийской литературы», включавшую и раздел о народной литературе¹. Сыгравшая в свое время колоссальную роль, книга Крумбахера ныне уже не отвечает уровню современного византиноведения и подлежит замене серией справочных изданий, написанных крупнейшими специалистами². В этой серии вышла и рецензируемая работа.

Книга Бека — солидное справочное пособие. Рассматривая каждый памятник, Бек излагает его содержание, разбирает — если это возможно — проблему авторства и датировки, сообщает сведения о рукописной традиции, приводит список изданий и исследовательских статей. С удовлетворением следует отметить, что работы русских дореволюционных и советских ученых (А. Я. Сыркин, В. Д. Кузьмина, В. С. Шандровская, Р. М. Бартиян, И. В. Абуладзе, Я. Н. Любарский, О. В. Творогов, Т. А. Сумникова и ряд других) постоянно учитываются в библиографии.

Поскольку датировка памятников народной литературы часто весьма затруднительна, автор расчленяет свой предмет на основе двуединого принципа, в котором хронологический критерий сочетается с предметным. Так, во II разделе он выделяет памятники XII—XIII вв., в III — поздневизантийской роман, а в V — басенную литературу. Естественно, что в главах, построенных по «предметному» принципу, хронологическая последовательность не соблюдается. Так, Бек допускает возможность отнесения «Пориколога» к началу XIII в. (стр. 178), однако помещает его не во II разделе, а в V. Он не исключает, далее, что сатира «Рассуждения винного отца Петра Зифомуста» могла возникнуть в XIII (или в XIV) в. (стр. 194), но рассматривает ее среди сатирических памятников XV столетия.

В I разделе Бек описывает народную литературу ранне- и средневизантийского периода.

От ранневизантийского периода памятники народной литературы практически не сохранились, если не считать следов насмешливых песенок (стр. 25—28). В данной связи возникает вопрос, не вправе ли мы причислить к этому типу памятников и «Застолья» Ария — ведь, по словам Филосторгия, Арий сочинял песенки для моряков, мельников и странников³. Напротив, представляется крайне спорным отнесение к византийской народной литературе «Жизнеописания Эзопа»⁴, древнейшая версия которого возникла еще во II в. н. э., вторая — вскоре после того, а третья, принадлежавшая известному филологу Максиму Плануду (около 1300 г.) (стр. 29), во всяком случае, лежит за рамками средневизантийского периода.

Далее Бек характеризует соотношения разных изводов «Александрии» (стр. 31 и сл.)⁵ и «Физиолога» (стр. 33—35) — памятников, занявших важное место и в средне-

¹ К. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Literatur. 2. Aufl. München, 1897, S. 787—910.

² Сюда относятся: G. Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. 3. Aufl. München, 1963; H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich. München, 1959, а также две книги, не имеющие соответствия в главах Крумбахера: F. Dölger, J. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre. Erster Abschnitt: Die Kaiserurkunden. München, 1968; E. Schilbach. Byzantinische Metrologie. München, 1970.

³ См. O. Bardenheuer. Geschichte der altchristlichen Literatur, Bd. III. Freiburg im B., 1912, S. 41 f. О шуточных песенках времен Алексея I (стр. 27) см. также: С. Панаджитриу. Две народные песни у Анны Комниной. — «Летопись Историко-филол. общества Новороссийского университета», II, 1, 1892.

⁴ См. о нем: В. К. Ернштедт «Речения Эзопа» в Москве и в Дрездене. Пг., 1916. Бек (стр. 31) указывает только более ранние и неполные публикации Ернштедта на эту тему.

⁵ Среди изданий «Александрии» отсутствует: L. Bergson. Der griechische Alexanderroman. Rezension B. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1965. Следовало также отметить, что извод А был переиздан в 1958 г. (Historia Alexandri Magni, vol. I: Recensio vetusta. Berolini, 1958).